

ОТЗЫВ

Отзыв на диссертацию доктора Людмила Иванова Димитрова, профессора Софийского университета им. Св. Климента Охридского, на тему **ДРАМАТУРГИЯ РАЗЪЕЗДА (Антон Чехов – Лев Толстой – Максим Горький и конец русской драматургии XIX века)**, представленную на соискание ученой степени доктора наук в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, по профессиональному направлению 2.1. Филология (Русская литература)

Отзыв подготовил доктор филологических наук Николай Михайлов Нейчев, профессор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского

Уважаемые коллеги, в болгарской академической русистике проф. Людмил Димитров утвердил себя как проникновенный и последовательный исследователь проблематики русской драматургии XIX века (и не в последнюю очередь – как талантливый переводчик). Этой тематике были посвящены как первая его диссертация – „Четвероевангелие“ от Пушкина – *Опыт изучения драматического цикла Маленькие трагедии*“ („Четвероевангелие“ от Пушкин. *Опит за изучение на драматургичния цикъл Малки трагедии*“), так и две его значимые монографии: „Быть шутком в игре судьбы. Русская драматургия XIX века. Герменевтика канона“ („Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона“) и „Рассмешить Мельпомену, или Чехов на большом пути к драме“ („Да размиваш Мелпомена или Чехов на големия път към драмата“). Предложенная для обсуждения диссертация на соискание ученой степени **доктора наук** на тему *Драматургия разъезда (Антон Чехов – Лев Толстой – Максим Горький и конец русской драматургии XIX века)* является естественным продолжением многолетних изысканий проф. Димитрова.

Перед нами поистине фундаментальное исследование, которое удивляет не только своим объемом (721 страниц), но и значимыми литературно-историческими и герменевтическими открытиями. **Вкладом** в болгарскую русистику (и не только в болгарскую) является сама постановка темы, которая **впервые** пытается рассмотреть в сопоставительном плане жизнь и творчество трех наиболее значимых представителей русской драматургии конца XIX века – А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и М. Горького.

В первой и второй главах своего труда проф. Димитров выступает эрудированным и тонким знатоком биографического бытия трех названных драматургов. Исследователь подробно (я бы даже сказал, педантично) излагает огромное число фактов – часть из них малоизвестных или неговоренных в науке, – подкрепляющих оригинальный тезис о том,

что в то время как аристократ Толстой своей одеждой и житейским поведением словно „входит в роль“ плебея Горького, а тот со своей стороны стремится быть похожим на дворянина Толстого и подражать интеллигенту Чехову, бесспорный же интеллигент Чехов демонстрирует самое последовательное и убедительное аристократическое поведение и, по-видимому, ведет себя наиболее неподдельно в житейском плане. Отсюда и вывод, что „центральное место, безусловно, занимает Чехов, в то время как оба остальных импульсивно стремятся к нему и не менее импульсивно (и инстинктивно) отдаляются от него“ (с. 11). В этой части своего исследования проф. Димитров блестящим образом выявил сложный психологический профиль каждого из трех драматургов как через призму их же эготекстов, так и на основании объективных, утвержденных документальных источников. Как раз после прочтения чужого текста, все трое испытали желание познакомиться лично. По мнению исследователя, именно в 1901 г. состоялась их наиболее важная встреча, продиктованная интенцией покорить театральную сцену России. Это был „плодотворный и в каком-то смысле единственный в своем роде диалог в европейской литературе, который они осуществили в качестве драматургов“ (с. 145). После этого момента – подчеркивает автор – Толстой, Чехов и Горький стали „все время соизмеряющимися друг с другом“ величинами театра. Любопытным является следующий факт: несмотря на то, что Толстой открыто и в некотором роде надуманно отрицал Чехова-драматурга (в то время как восхищался его прозой), как раз сценическая интерпретация пьесы „Дядя Ваня“, которую посмотрел знаменитый писатель, оказалась тем решительным толчком, после которого Толстой через более чем тридцать лет возобновил свою драматургическую деятельность. С другой стороны, проф. Димитров обоснованно утверждает, что Чехов сыграл основополагающую роль для привлечения также Горького к драматургии. Более того, исследователь **убедительно доказывает**, что как Толстой (в „Живом трупe“), так и Горький (в „На дне“) строят свои театральные приемы, *подражая* в значительной степени новаторской драматургической модели Чехова. Автор, однако, подчеркивает, что в большинстве случаев ни Толстому, ни Горькому не удалось овладеть поэтикой Чехова (см. подробнее с. 387–544).

Особого внимания в третьей части труда проф. Димитрова заслуживает его **оригинальная идея** – рассмотреть пьесы „Чайка“, „Дядя Ваня“, „Три сестры“ и „Вишневый сад“ как драматургический *цикл*, и с этой непростой герменевтической задачей он справился успешно, раскрыв общие для них *мотивы, пары персонажей,*

титрологические взаимодействия, явные или скрытые цитаты из Шекспира, Толстого, Достоевского, *продуманную жанровую спецификацию* и т. д.

Большое, но **плодотворное усилие** автор приложил для выяснения таких сложных проблем театральной поэтики Чехова, как уничтожение иерархической системы персонажей, или *распад* единого в русской драматургии архетипного сюжета, заложенного Грибоедовым в „Горе от ума“ и продолженного Пушкиным в „Русалке“, чего, с другой стороны, нельзя сказать про пьесы Толстого и Горького, которые этот сюжет *сохранили* (см. с. 506 и сл.). Интерес, однако, вызывает прежде всего ответ, который исследователь дает на полемический и по сей день среди исследователей творчества Чехова вопрос об истинном смысле, который русский драматург вкладывал в жанровое определение „комедия“. По-моему, вывод, что „комедия рождается из духа трагедии“ и что у Чехова „комическое и трагическое существуют параллельно, чередуясь резко, без какого бы то ни было перехода, и нам, воспринимающим, приходится выбирать, за которым из них следить и что „пропустить“ (с. 324) – это один из наиболее существенных **вкладов** диссертационного труда.

Не могу также обойти вниманием провокативное, но также особенно **продуктивное наблюдение (открытие)** проф. Димитрова, а именно следующее: автор увлекательно раскрывает и **убедительно доказывает** существование в пьесах „двойного дна“. С одной стороны, в пьесе Горького „На дне“ присутствуют в качестве „персонажей“ – разумеется, в засекреченном виде – его драматургические „конкуренты“ Толстой и Чехов (с. 545–586), с другой стороны, Чехов в „Вишневом саде“ окарικатуривает Горького (в лице Пети Трофимова, с ссылками также на Лопухина) и Толстого (в образе Фирса) (с. 624–632), Толстой же, введением в пьесу „Живой труп“ персонажей врача и бывшего дворянина, опустившегося на социальное дно, превращает Чехова и Горького в своих „персонажей“ (с. 624).

В заключение я должен подчеркнуть также то, что представленное исследование характеризуется не только новаторским духом и необходимой научно-объяснительной силой, но и рядом других достоинств. Например, текст обладает ясной и логической структурой, вооружен впечатляющей библиографией, насчитывающей 498 библиографических единиц, оснащен достаточным иллюстративным материалом (24 иллюстрации) и не в последнюю очередь, написан в увлекательном, характерном для своего автора, артистическом стиле. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что представленная диссертация достойно венчает научно-академическую карьеру проф. Димитрова.

Как следствие всего сказанного выше, убежденно предлагаю почитаемому научному жюри присудить проф. д-ру Людмилу Димитрову ученую степень „доктор наук“ в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, по профессиональному направлению 2.1. Филология, научной специальности Русская литература.

г. Пловдив

22. 09. 2024 г.

Автор отзыва:

/ /

проф. д.ф.н. Николай Нейчев